

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.12

Правильная ссылка на статью:

Синявская О. В., Червякова А. А., Карева Д. Е. Помогающие и счастливые? Влияние социальной активности на счастье людей старше 50 лет в европейских странах // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 237—258. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.12>.

For citation:

Sinyavskaya O. V., Cherviakova A. A., Kareva D. E. (2019) Happy helpers? The impact of social activity on the levels of happiness among people aged 50 and over in the European countries. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 237—258. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.12>.

О. В. Синявская, А. А. Червякова, Д. Е. Карева ПОМОГАЮЩИЕ И СЧАСТЛИВЫЕ? ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НА СЧАСТЬЕ ЛЮДЕЙ СТАРШЕ 50 ЛЕТ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

ПОМОГАЮЩИЕ И СЧАСТЛИВЫЕ?
ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ
НА СЧАСТЬЕ ЛЮДЕЙ СТАРШЕ 50 ЛЕТ В
ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

HAPPY HELPERS? THE IMPACT OF SO-
CIAL ACTIVITY ON THE LEVELS OF HAP-
PINESS AMONG PEOPLE AGED 50 AND
OVER IN THE EUROPEAN COUNTRIES

СИНЯВСКАЯ Оксана Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора, Институт социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: osinyavskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6044-0732>

*Oksana V. SINYAVSKAYA*¹ — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Deputy Director, Institute for Social Policy
E-MAIL: osinyavskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6044-0732>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ЧЕРВЯКОВА Анна Александровна — младший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: aermolina@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2374-7759>

КАРЕВА Дарья Евгеньевна — стажер-исследователь, аспирант факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: dkareva@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2076-7391>

Anna A. CHERVIAKOVA¹ — Junior Research Fellow

E-MAIL: aermolina@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2374-7759>

Darya E. KAREVA¹ — Research Assistant, Post-graduate student, Faculty of Social Sciences

E-MAIL: dkareva@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2076-7391>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. В контексте старения населения повышение субъективного благополучия старшего поколения как важной характеристики качества жизни становится одним из целевых ориентиров социальной политики в развитых странах. При этом значимым фактором субъективного благополучия в старшем возрасте выступают социальные связи, социальная активность. В статье оценивается влияние формальной и неформальной социальной активности на уровень счастья лиц в возрасте 50 лет и старше в европейских странах и в России. Основу анализа составили данные шестой волны Европейского социального исследования (ЕСИ, 2012 г.) Для учета межстрановой вариации авторы использовали методы многоуровневого моделирования. Результаты исследования показали, что на уровень счастья лиц старшего возраста обе компоненты социальной активности оказывают положительное влияние, но больший эффект имеет неформальная социальная активность (контакты с друзьями и родственниками), чем формальная (волонтерская деятель-

Abstract. In the context of aging one of key purposes of social policies in different countries is to improve subjective well-being of older generation as an important characteristic of quality of life. Social ties and social activities are essential to subjective well-being in the old age. The article investigates the influence of formal and non-formal social activities on the levels of happiness among people aged 50 and over in the European countries and Russia. Analysis is based on the data of the sixth wave of the European Social Survey (ESS, 2012). Multilevel models were used to study country-specific variations. Findings show that both components of social activity have positive impacts on the levels of happiness, however non-formal social activity (interactions with friends and relatives) plays a greater role than formal activities (volunteering). For the most part, the confidence intervals of cross-country residuals do not cross the zero line; this points to substantial differences in the country-specific levels of happiness and proves the feasibility of methods used in the study.

ность). Значительная часть доверительных интервалов межстрановых остатков модели не пересекает ноль, что свидетельствует о значимых различиях в уровне счастья между странами и подтверждает целесообразность применения выбранных методов анализа.

Ключевые слова: старшее поколение, пожилые, субъективное благополучие, счастье, социальная активность, социальные контакты, волонтерская деятельность

Keywords: older generation, elderly persons, subjective well-being, happiness, social activity, social interactions, volunteering

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 году.

Acknowledgments. The study was part of the HSE Basic Research Program in 2019.

Введение

Активное долголетие — концепция, продвигаемая ООН в ответ на вызов старения населения, — направлено на повышение качества жизни лиц старшего возраста [Walker, 2015]. Одной из характеристик качества жизни выступает субъективное благополучие, которое может быть измерено через удовлетворенность жизнью или ощущение счастья. Эмпирические исследования субъективного благополучия показывают, что наряду с социально-демографическими (пол, возраст, брачно-партнерский статус, уровень образования, состояние здоровья) и экономическими (статус занятости, уровень доходов) характеристиками людей среднего и старшего возраста важным фактором снижения депрессивных симптомов и улучшения состояния выступает социальная активность [Li, Ferraro, 2005; Van Willigen, 2000; Bian, Hao, Li, 2018]. Более того, среди различных видов активности неформальная социальная активность (взаимодействие с друзьями, родственниками, соседями) чаще других оказывается положительно связанной с уровнем счастья людей среднего и старшего возраста [Adams, Leibbrandt, Moon, 2011]. Выводы относительно влияния формальной социальной активности (волонтерская деятельность) противоречивы: одни исследования подтверждают значимые положительные эффекты [Dulin et al., 2012; Pilkington, Windsor, Crisp, 2012; Morrow-Howell et al., 2003], другие показывают, что статистически значимая связь отсутствует [Adams, Leibbrandt, Moon, 2011].

Центральный вопрос нашего исследования сформулирован следующим образом: в какой степени различается влияние формальной и неформальной социальной активности на субъективное благополучие старшего поколения в Европе? В рамках настоящей работы субъективное благополучие индивидов измеряется

через уровень счастья, формальная социальная активность измеряется частотой деятельности в волонтерских и благотворительных организациях, а неформальная — регулярностью социальных контактов с друзьями, родственниками и коллегами, исключая контакты по рабочим вопросам.

Работа опирается на данные Европейского социального исследования (ЕСИ) 2012 г. Для учета межстрановой вариации в детерминантах субъективного благополучия лиц старшего поколения используется метод многоуровневого регрессионного анализа.

Статья организована следующим образом. В первом разделе мы сопоставляем теоретические подходы, объясняющие влияние различных форм социальной активности на субъективное благополучие в старшем возрасте, и даем обзор результатов эмпирического изучения этой связи. В следующем разделе мы описываем используемые данные и методы исследования. Затем представляем дескриптивные результаты сопоставления уровня счастья лиц старшего поколения и их вовлеченности в различные формы социальной активности в странах — участницах ЕСИ. После этого анализируем результаты регрессионного анализа. Завершает статью обсуждение основных выводов исследования, представленное в заключении.

Теоретические и эмпирические исследования взаимосвязи социальной активности и уровня счастья в старших возрастах

Влияние социальной активности (как формальной, так и неформальной) на субъективное благополучие индивида является предметом изучения многочисленных теорий в области социологии, геронтологии, эпидемиологии, психологии.

В теории активности (англ. *activity theory*) человеческая деятельность, приносящая положительные результаты, рассматривается в качестве источника субъективного благополучия. Со временем в понятие «активность» стали вкладывать широкий спектр видов деятельности: социальное взаимодействие, физическую активность, досуг и т. д. [Diener, 2009]. Таким образом, в соответствии с теорией активности субъективное благополучие можно считать следствием социальной активности как одного из видов человеческой деятельности. Последнее особенно важно в старших возрастах, когда снижается интенсивность занятости, а круг родных и друзей сужается вследствие естественной смерти сверстников, поэтому новые социальные роли (например, членство в волонтерской или любой другой общественной организации) могут быть полезны для поддержания высокого уровня субъективного благополучия. В геронтологии приверженцы теории активности подчеркивают, что для старшего поколения значимо поддержание или замещение видов деятельности, присущих лицам более молодого возраста [Havighurst, 1963].

В большинстве эмпирических исследований выявлено положительное влияние социальной активности на субъективное благополучие индивидов [Baker et al., 2005; Litwin, Shiovitz-Ezra, 2006; Haller, Hadler, 2006]. В средних и старших возрастах, по разным оценкам, социальная активность объясняет от 1 % до 9 % вариации уровня субъективного благополучия [Larson, 1978; Okun et al., 1984], что согласуется с положениями теории активности о положительном влиянии различных видов деятельности индивида на уровень счастья. Это позволяет

нам сформулировать следующую гипотезу: социальная активность (формальная и неформальная) лиц старшего поколения положительно влияет на их уровень счастья (*Гипотеза 1*).

Значительная часть исследований о взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия в старших возрастных группах оперирует несколькими видами социальной активности, что позволяет сравнить их влияние на субъективное благополучие лиц старшего поколения. К. Адамс с коллективом авторов сравнил результаты 42 кросс-секционных и лонгитюдных исследований в этой области и пришел к выводу, что как формальная (участие в деятельности групп, организаций), так и неформальная (взаимодействие со знакомыми людьми — родственниками, друзьями, соседями и т. д.) социальная активность влияет на субъективное благополучие людей старшего возраста сильнее, чем любая другая активность — физическая, культурная, хобби. Кроме этого, на основе метаанализа исследований авторы выявили, что наибольший независимый эффект на субъективное благополучие оказывает именно неформальная социальная активность [Adams, Leibbrandt, Moon, 2011].

Обнаруженные различия во влиянии формальной и неформальной социальной активности на субъективное благополучие лиц старшего поколения могут быть объяснимы с точки зрения теории привязанности [Bowlby, 1969, 1980], в рамках которой межличностное взаимодействие рассматривается как поиск отношений, обеспечивающих индивиду безопасность и комфорт. Сложившиеся на протяжении жизненного цикла индивида неформальные родственные и дружеские отношения — повторные межличностные взаимодействия — выступают неким защитным барьером против неблагоприятных ситуаций и событий [Mikulincer, Shaver, 2013].

Таким образом, мы можем выдвинуть следующую гипотезу: различные виды социальной активности оказывают неодинаковое влияние на уровень счастья лиц старших возрастов; при этом неформальная социальная активность имеет более значимый положительный эффект, чем формальная социальная активность (*Гипотеза 2*).

Несколько предположений о взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия было также выдвинуто в теории ролей (англ. *role theory*). Одно из них заключается в том, что многочисленные социальные роли несовместимы во времени, местоположении и ресурсах [Goode, 1960]. Личные обязательства в рамках социальных ролей могут быть чрезмерными и приводить к эмоциональному напряжению и стрессу, что особенно актуально в старшем возрасте, когда имеющиеся ресурсы (физические, психологические) ограничены.

Альтернативное от сформулированного выше предположение заключается в том, что многочисленные социальные роли обеспечивают защиту от потенциальных неудач и рисков, связанных с единственной ролью. Кроме этого, отдельные социальные роли могут способствовать высвобождению дополнительных ресурсов для других ролей [Gove, 1972; Gove, Geerken, 1977]. Наконец, большое число социальных ролей позволяет индивидам наиболее полно проявить свои способности [Thoits, 1983].

Предположение о негативных последствиях чрезмерной социальной активности, выдвинутое в теории ролей, нашло подтверждение в ряде эмпирических

исследований. Например, было обнаружено отрицательное влияние очень частой волонтерской активности на субъективное благополучие лиц старшего поколения [Windsor, Anstey, Rodgers, 2008]. Другой коллектив авторов пришел к выводу, что только волонтерская активность на уровне одного — нескольких раз в месяц оказывает значимый положительный эффект, в то время как более интенсивная вовлеченность в волонтерство не приводит к дальнейшему росту субъективного благополучия [Meier, Stutzer, 2008]. Это позволяет нам сформулировать следующую гипотезу: очень интенсивная социальная активность негативно сказывается на уровне счастья лиц старшего возраста (*Гипотеза 3*).

Более поздние исследования субъективного благополучия индивидов стали охватывать большее число стран, как развитых, так и развивающихся. Кроме различий в среднем уровне субъективного благополучия жителей разных стран [Guriev, Zhuravskaya, 2009; Монусова, 2012], было обнаружено, что факторы субъективного благополучия в разных странах также неодинаковы [Fleche, Smith, Sorsa, 2011; Puntsher et al., 2014].

На выборке стран Всемирного обследования ценностей (World Values Survey, WVS) были выделены различия в видах социальной активности, оказывающих наибольшее влияние на уровень счастья, между низко- и высокодоходными странами. Для счастья жителей низкодоходных стран важны участие в благотворительных и политических организациях, время, проведенное с коллегами или людьми в церкви, а для жителей более богатых стран — время, проведенное с друзьями и родственниками [Sarracino, 2010]. Поэтому мы полагаем, что различные виды социальной активности оказывают значимо различающийся эффект на уровень счастья людей старшего возраста в разных странах (*Гипотеза 4*).

В отечественной социологии ощущается недостаток работ по изучаемой теме, практически отсутствуют исследования, в которых тестируется взаимосвязь социальной активности и субъективного благополучия в старшем возрасте. При этом чаще исследователи операционализируют субъективное благополучие через оценки удовлетворенности жизнью. Несмотря на то, что в данной статье мы измеряем субъективное благополучие через уровень счастья, высокая корреляция этих показателей позволяет опираться и на результаты исследований, сфокусированных на удовлетворенности жизнью [Chamberlain, 1988]. В ряде исследований Института социологии РАН подтверждается, что люди, хорошо оценивающие свои отношения в семье и с друзьями, демонстрировали высокие показатели удовлетворенности жизнью [Тихонова, 2015; Латова, 2016]. По оценкам Н. В. Андреенковой, социальные связи (как формальные, так и неформальные) могут объяснить около 14 % дисперсии в удовлетворенности жизнью в России, среди которых наиболее значимыми факторами являются частота социального общения, восприятие взаимоотношений с людьми как честных и справедливых, оценка того, что окружающие судят о тебе по заслугам. Менее значимы оказались возможности для близкого душевного общения и не значимы — участие в общественно-полезной деятельности, взаимопомощь и др. [Андреенкова, 2010].

На основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ были получены оценки уровня счастья россиян в зависимости от частоты встреч с родственниками и друзьями, возможностей близкого духовного общения, чувства одиночества [Козырева, Низамова, Смирнов,

2016]. Авторы обращают внимание на тот факт, что с возрастом наступает постепенное сужение круга общения, усиливается чувство одиночества, что мешает пожилым людям поддерживать ощущение счастливой жизни. Этот же вывод подтверждается в более позднем исследовании субъективного благополучия одиноких пожилых на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, в рамках которого авторы указывают на существенное негативное влияние одинокого проживания на удовлетворенность жизнью в старости (разрыв в удовлетворенности жизнью между семейными и одинокими пожилыми для периода 2000—2016 гг. оценивается в этой работе на уровне 7—8 процентных пунктов) [Воронин, Захаров, Козырева, 2018].

Подводя итог, можно отметить, что большинство теорий и эмпирических исследований сходятся во мнении, что социальная активность положительно влияет на субъективное благополучие индивидов, особенно в старшем возрасте. Однако избыток социальных ролей и чрезмерная социальная активность могут привести к возникновению чувства тревоги, стресса и ухудшить субъективное благополучие индивидов, что наиболее актуально для лиц старших возрастных групп, чьи физические и психологические ресурсы могут быть ограничены.

Данные и методология исследования

В рамках нашего исследования мы опираемся на аффективный подход к определению субъективного благополучия индивидов, измеряя его через уровень счастья [Tinkler, Hicks, 2011; George, 2010].

Работа основана на данных 6-й волны ЕСИ¹, 2012 г., вопросник которой содержит раздел «индивидуальное и социальное благополучие», не входящий в другие волны. В выборку включены индивиды в возрасте 50 лет и старше. Выбор данной возрастной границы обусловлен, с одной стороны, тем, что во многих странах после 50 лет начинается постепенное изменение социальных статусов в связи с уходом с рынка труда, в том числе на досрочные пенсии. С другой стороны, это позволяет увеличить наполняемость групп респондентов по странам (23 766 индивидов из 26 европейских стран²).

Мы предполагаем, что социальная активность по-разному влияет на уровень счастья людей 50 лет и старше в исследуемых странах, и поэтому используем многоуровневые логистические регрессии со случайной константой для стран (random intercept multilevel model) с применением дизайн-весов (design weights) и весов численности населения (population size weights)³ для входящих в выборку стран. Зависимой переменной в регрессиях выступает уровень счастья⁴. Респонденты старше 50 лет формируют первый уровень данных, группирующей переменной второго уровня являются страны, в которых они проживают.

Уровень счастья населения определяется на основе вопроса «Раздумывая обо всем в жизни, в какой степени Вы бы сказали, что счастливы?» по шкале от 0 до 10 баллов, где 0 — крайне несчастлив, 10 — крайне счастлив, перекодированной

¹ European Social Survey. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 15.11.2019).

² Число индивидов по странам представлено в Приложении 1.

³ Weighting European Social Survey Data. 2014. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS_weighting_data_1.pdf (дата обращения: 15.11.2019).

⁴ Распределение респондентов рабочей выборки по уровню счастья представлено в Приложении 2.

в переменную с двумя альтернативами «скорее несчастлив» (от 0 до 4 баллов) и «скорее счастлив» (от 5 до 10 баллов).

Ключевой независимой переменной в исследовании является социальная активность двух видов: формальная (волонтерская деятельность) и неформальная (социальные контакты с друзьями и родственниками). Формальная социальная активность определяется как вовлеченность респондентов в деятельность волонтерских и благотворительных организаций в течение последних 12 месяцев (раз в шесть месяцев и реже; раз в три — шесть месяцев; раз в месяц и чаще). Неформальная социальная активность основывается на частоте встреч с друзьями, родственниками и коллегами, исключая встречи по необходимости и работе (раз в несколько месяцев и реже; один — несколько раз в месяц; раз в неделю и чаще). Описательные статистики приведены в Приложении 2.

Волонтерская деятельность в нашем исследовании не ограничивается перечнем организаций и включает в себя все виды деятельности, которые респонденты называют волонтерской, что позволяет считать выбор этой переменной подходящим для оценки формальной социальной активности. Более того, так как формулировка вопроса о частоте социальных контактов исключает встречи по необходимости, мы предполагаем, что переменные формальной и неформальной социальной активности независимы. Отсутствие в анкете ЕСИ отдельных вопросов о контактах с взрослыми детьми, внуками, прочими родственниками, друзьями и оценки их качества являются ограничениями исследования.

В качестве контрольных переменных в регрессии были включены следующие социально-демографические характеристики: возраст, пол, тип населенного пункта (город/село), брачно-партнерский статус (наличие/отсутствие супруга или партнера), уровень образования (среднее общее или ниже/среднее специальное/высшее или послевузовское), наличие работы, субъективное состояние здоровья (очень хорошее/хорошее/среднее/плохое/очень плохое), безопасность в районе проживания (безопасно/небезопасно), приверженность религии (да/нет) и число людей, проживающих в домохозяйстве респондента среднего и старшего возраста (описательные статистики представлены в Приложении 3). Чтобы проверить, является ли зависимость между возрастом и уровнем счастья нелинейной, мы также включили квадрат возраста в регрессионное уравнение.

Для оценки значимости влияния различных видов социальной активности мы построили базовую модель (модель 1), в которой предикторами уровня счастья людей 50 лет и старше являются только контрольные переменные (формула 1):

$$\log\left(\frac{\pi_{ij}}{1-\pi_{ij}}\right) = \beta_0 + \beta_1 x_{1ij} + \dots + \beta_n x_{nij} + u_j, \quad (1)$$

где i — индекс индивида, $i = 1, \dots, 23766$;

j — индекс страны, $j = 1, \dots, 26$;

n — число независимых и контрольных переменных;

u_j — значение зависимой переменной (уровень счастья) для респондента i в стране j ;

x_{ij} — значения независимых и контрольных переменных респондента i из страны j ;

β_0 — средний уровень счастья респондентов;
 β_1, \dots, β_n — коэффициенты регрессии, контролирующие межстрановые эффекты;
 u_j — ошибка для страны j , межстрановой случайный эффект;
 π_{ij} — вероятность зависимой переменной (y_{ij}) принимать значение 1 для респондента i в стране j (случай бинарной зависимой переменной), при этом:

$$\pi_{ij} = E(y_{ij} | x_{ij}, u_j),$$

где $E(y_{ij} | x_{ij}, u_j)$ — математическое ожидание зависимой переменной y_{ij} для респондента i из страны j с соответствующими значениями независимых переменных x_{ij} .

После этого мы поочередно и одновременно включили в модель 1 переменные волонтерской деятельности и социальных контактов.

Для того чтобы понять, какая из моделей лучше описывает уровень счастья людей среднего и старшего возраста, мы провели тесты отношения правдоподобия (нулевая гипотеза: $\sigma^2_u = 0$ при включении факторов социальной активности). Статистика LR рассчитывается по формуле 2:

$$LR = -2\log L_1 - (-2\log L_2), \quad (2)$$

где $\log L_1$ и $\log L_2$ — логарифмы значений функций правдоподобия сравниваемых моделей.

При верной нулевой гипотезе LR статистика имеет распределение хи-квадрат с одной степенью свободы, так как в уравнении регрессии более сложной модели на один фактор больше, чем в уравнении более простой модели. Если расчетное значение LR статистики (см. Приложение 4) больше табличного значения статистики хи-квадрат при уровне значимости 5%⁵, то нулевая гипотеза отвергается. Для верификации результатов и выбранного метода исследования мы также провели тест на отличие межгрупповых остатков от нуля, построив 95% доверительные интервалы⁶ по странам для наилучшей модели.

Уровень счастья и виды социальной активности

Прежде чем переходить к представлению результатов моделирования, стоит показать, насколько счастливы люди 50 лет и старше в странах, участвующих в исследовании, и в какой степени они включены в волонтерскую деятельность и социальные контакты с родственниками и друзьями.

По данным ЕСИ, в 2012 г. наиболее счастливыми в возрасте 50 лет и старше ощущали себя датчане (8,5 из 10) и жители стран Северной Европы⁷ в целом (см. рис. 1). В Болгарии, наоборот, представители этой возрастной группы наименее счастливы среди исследуемых стран (4,8 из 10). Среди стран Восточной Европы Россия занимает срединное положение по уровню счастья (5,8 из 10), но среди всех европейских стран оценка счастья россиян одна из самых низких (22-е ме-

⁵ Уровень значимости определяет допустимую вероятность ошибки первого рода, когда отклоненная нулевая гипотеза на самом деле является верной.

⁶ Вероятность ошибки первого рода 5%.

⁷ Северная Европа: Швеция, Норвегия, Дания, Исландия, Финляндия, Великобритания, Ирландия; Восточная Европа: Россия, Украина, Болгария, Чехия, Венгрия, Польша, Словакия; страны Прибалтики: Эстония, Литва; Южная Европа: Албания, Испания, Италия, Португалия, Словения; Западная Европа: Бельгия, Германия, Нидерланды, Франция, Швейцария.

сто из 26). Более низкие оценки уровня счастья в странах Прибалтики, Южной и Восточной Европы по сравнению со странами Северной и Западной Европы могут отражать различия в условиях проживания людей среднего и старшего возраста и степени их социальной активности.

Рисунок 1. Уровень счастья населения старше 50 лет (среднее значение по десятибалльной шкале)

В большинстве стран люди среднего и старшего возрастов достаточно слабо участвуют в добровольной деятельности, возможно, ввиду отсутствия таких возможностей или состояния здоровья (см. рис. 2, страны представлены в порядке снижения доли респондентов, занимающихся волонтерской деятельностью раз в месяц и чаще). Наибольший интерес к волонтерству проявляют люди старше 50 лет в странах Северной и Западной Европы. Реже других в такой деятельности принимают участие в Восточной Европе, что может быть следствием слабого развития института волонтерства. В то же время доля респондентов среднего и старшего возраста в России и Словакии, занимавшихся волонтерством раз в три-шесть месяцев, близка к показателям стран Северной Европы.

С родственниками и друзьями люди 50 лет и старше общаются значительно чаще, чем участвуют в волонтерской деятельности (см. рис. 3, страны представлены по убыванию доли респондентов, имеющих социальные контакты раз в неделю и чаще).

Особенно часто люди среднего и старшего возраста встречаются с родственниками и друзьями в ряде стран Южной и Северной Европы. Среди стран Западной Европы выделяется Германия, так как в ней достаточно низкая доля тех, кто имеет социальные контакты раз в неделю и чаще, близкая к показателям стран

Восточной Европы и Прибалтики. В последних люди 50 лет и старше чаще встречаются с родственниками и друзьями один — несколько раз в месяц. Наибольшая распространенность редких социальных контактов либо их отсутствия (раз в несколько месяцев и реже) наблюдается в Венгрии, странах Прибалтики и Польше.

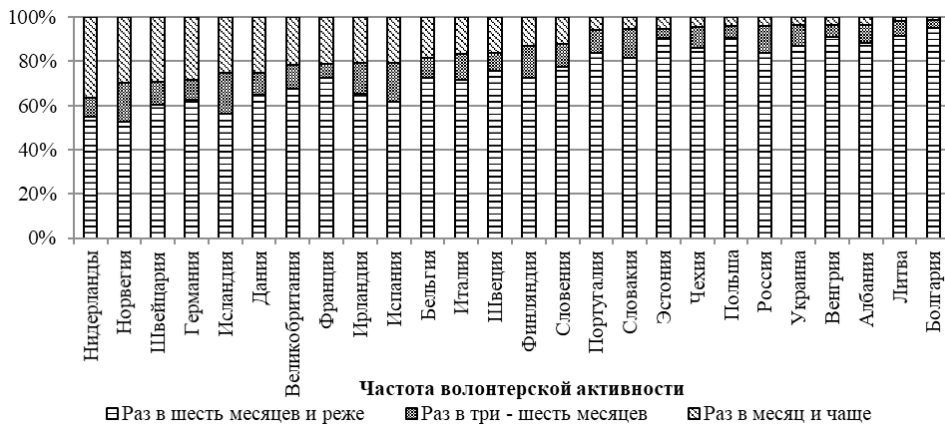

Рисунок 2. Частота волонтерской деятельности в разрезе по странам

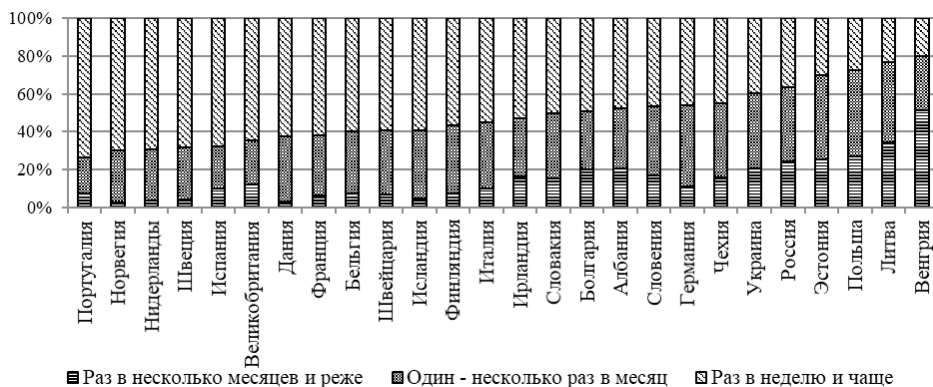

Рисунок 3. Частота социальных контактов в разрезе по странам

Население 50 лет и старше в Венгрии и Болгарии имеет одни из самых низких оценок уровня счастья и одновременно — одни из наименьших показателей участия в социальной активности. В России ситуация по всем трем показателям лишь незначительно лучше. В странах Северной и Западной Европы, напротив, наблюдается высокий уровень счастья и вовлеченности в социальную активность среди населения среднего и старшего возраста, что свидетельствует о межстрановых различиях и связи между показателями.

Основные результаты

В таблице 1 представлены оценки коэффициентов для построенных регрессий. Во всех моделях уровень счастья лиц старше 50 лет значимо (на уровне 1%⁸) выше для женщин, людей с партнерами (не одиноких), обладающих более высоким уровнем образования, имеющих работу и чувствующих себя в безопасности в районе проживания. При прочих равных с увеличением возраста респонденты также становятся счастливее (p -значение $< 0,05$ ⁹). Более низкая самооценка здоровья и непринадлежность к религии, напротив, снижают уровень счастья (p -значение $< 0,01$).

Результаты моделей 2—4 подтверждают гипотезу 1 о положительном влиянии социальной активности на уровень счастья людей среднего и старшего возраста (см. табл. 1). Действительно, увеличение частоты социальных контактов в моделях 2 и 4 значимо (p -значение $< 0,01$) повышает уровень счастья. Волонтерская деятельность, осуществляемая раз в три — шесть месяцев (в сравнении с частотой раз в шесть месяцев и реже), не оказывает значимого влияния на счастье в моделях 3 и 4. В то же время волонтерство раз в месяц и чаще положительно значимо (на уровне 1%) в модели 3 (без социальных контактов); в модели 4 значимость показателя снижается (с 1% до 5%) и уменьшается значение самого коэффициента, что свидетельствует о взаимозаменяемости видов социальной активности.

Таблица 1. **Оценки коэффициентов многоуровневых логистических регрессий со случайной константой для уровня счастья людей 50 лет и старше**

Факторы	Базовая модель (1)	Модель с социальными контактами (2)	Модель с волонтерской активностью (3)	Модель с волонтерской активностью и социальными контактами (4)
Возраст	0,066**	0,060**	0,062**	0,057**
Возраст в квадрате	-0,0003	-0,0002	-0,0003	-0,0002
Пол (мужской — референтная группа)				
Женский	0,264***	0,269***	0,262***	0,267***
Тип населенного пункта (сельская местность — референтная группа)				
Городская местность	-0,018	-0,009	-0,015	-0,008
Брачно-партнерский статус (нет пары — референтная группа)				
Есть пара	0,805***	0,821***	0,803***	0,819***
Уровень образования (начальное — референтная группа)				
Среднее образование	0,189***	0,185***	0,184***	0,181***
Высшее образование	0,437***	0,413***	0,417***	0,399***
Занятость (нет работы — референтная группа)				
Есть работа	0,320***	0,327***	0,314***	0,323***
Субъективное здоровье (очень хорошее — референтная группа)				
Хорошее	-0,540***	-0,526***	-0,533***	-0,521***
Среднее	-1,175***	-1,122***	-1,164***	-1,115***

⁸ Вероятность ошибки первого рода на уровне 1%.

⁹ Если p -значение $< 0,05$ — вероятность ошибки первого рода на уровне 5%; p -значение $< 0,01$ — на уровне 1%.

Факторы	Базовая модель (1)	Модель с социальными контактами (2)	Модель с волонтерской активностью (3)	Модель с волонтерской активностью и социальными контактами (4)
Плохое	-2,044***	-1,949***	-2,026***	-1,938***
Очень плохое	-2,712***	-2,534***	-2,694***	-2,524***
Чувство безопасности в районе проживания (нет — референтная группа)				
Да	0,353***	0,327***	0,352***	0,326***
Принадлежность к религии (да — референтная группа)				
Нет	-0,270***	-0,251***	-0,261***	-0,245***
Число людей, проживающих в домохозяйстве	-0,004	-0,014	-0,004	-0,014
Социальные контакты (раз в несколько месяцев и реже — референтная группа)				
Один — несколько раз в месяц		0,555***		0,550***
Раз в неделю и чаще		0,765***		0,753***
Волонтерская активность (раз в шесть месяцев и реже — референтная группа)				
Раз в три — шесть месяцев			0,135	0,084
Раз в месяц и чаще			0,301***	0,230**
Константа	-0,58	-1,024	-0,511	-0,961
Значение функции правдоподобия	-7332,2	-7242,4	-7325,8	-7239
Кол-во наблюдений первого уровня	26	26	26	26
Кол-во наблюдений второго уровня	23 766	23 766	23 766	23 766

Примечание: звездочками обозначены уровни значимости, где *** — вероятность ошибки на уровне 1%, ** — вероятность ошибки на уровне 5%.

Сравнение моделей на основе тестов отношения правдоподобия (см. Приложение 4) показывает, что уровень счастья людей среднего и старшего возраста значительно различается в европейских странах при включении в модель как неформального, так и формального видов социальной активности. Как модель с социальными контактами (модель 2), так и модель с волонтерской активностью (модель 3) улучшают базовую модель (модель 1), поэтому мы включили в уравнение регрессии оба фактора социальной активности и сравнили ее с моделями 2 и 3. Модель 4 лучше описывает уровень счастья людей 50 лет и старше, так как оба теста отношения правдоподобия с более простыми моделями оказались значимы, что подтверждает гипотезу 4 о наличии межстрановых различий в уровне счастья людей старшего возраста.

Для подтверждения верности выбранного метода анализа данных мы рассчитали остатки (u_i) в модели 4 для каждой страны и построили для них 95% доверительные интервалы (рисунок 4, страны расположены в порядке возрастания межгрупповой вариации). Остатки показывают отклонение уровня счастья людей старше 50 лет в конкретной стране от среднего значения по всем странам, означающего, что уровень счастья по странам не различается ($u_j=0$, на рисунке 4 это

ось абсцисс). Так как доверительные интервалы большинства стран не пересекают ось абсцисс, уровень счастья значимо¹⁰ отличается от среднего значения по странам. Для людей старших возрастов наиболее низкая вероятность быть счастливыми относительно анализируемых стран в Болгарии и Албании (самые низкие значения ζ_j на рис. 4), наиболее высокая — в Финляндии и Швейцарии (самые высокие значения ζ_j на рис. 4). Таким образом, мы подтвердили достоверность результатов исследования и еще раз подтвердили гипотезу 4.

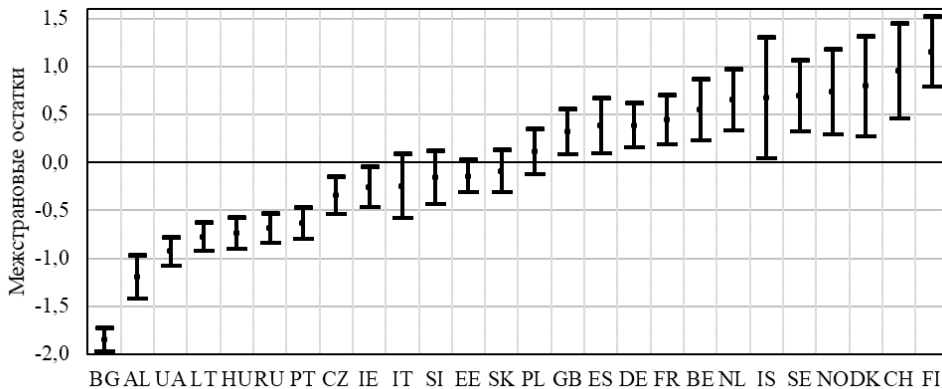

Рисунок 4. Доверительные интервалы межстрановых остатков¹¹

Чтобы понять, какой из видов социальной активности оказывает более сильное влияние на уровень счастья населения, мы рассчитали отношения шансов для модели 4 (см. табл. 2). Этот статистический показатель оценивает влияние исследуемых предикторов на вероятность положительного исхода, определяемого в нашем исследовании как счастливый индивид.

Таблица 2. Отношения шансов в модели 4 с волонтерской деятельностью и социальными контактами

Факторы	Отношения шансов
Социальные контакты (раз в несколько месяцев и реже — референтная группа)	
Один — несколько раз в месяц	1,733***
Раз в неделю и чаще	2,123***
Волонтерская деятельность (раз в шесть месяцев и реже — референтная группа)	
Раз в три — шесть месяцев	1,088
Раз в месяц и чаще	1,259**

Примечание: звездочками обозначены уровни значимости, где *** — вероятность ошибки на уровне 1%, ** — вероятность ошибки на уровне 5%.

¹⁰ Вероятность ошибки первого рода равна 5%.

¹¹ BG — Болгария, AL — Албания, UA — Украина, LT — Литва, HU — Венгрия, RU — Россия, PT — Португалия, CZ — Чехия, IE — Ирландия, IT — Италия, SI — Словения, EE — Эстония, SK — Словакия, PL — Польша, GB — Великобритания, ES — Испания, DE — Германия, FR — Франция, BE — Бельгия, NL — Нидерланды, IS — Исландия, SE — Швеция, NO — Норвегия, DK — Дания, CH — Швейцария, FI — Финляндия.

С ростом частоты встреч с родственниками и друзьями шансы людей старшего возраста быть счастливыми повышаются: при общении один — несколько раз в месяц на 73,3 % в сравнении с более редкими социальными контактами; при встречах не реже раза в неделю — в 2,12 раза. Занятия волонтерской деятельностью также положительно влияют на уровень счастья респондентов 50 лет и старше, но в меньшей степени, чем социальные контакты. По сравнению с отсутствием такой деятельности или эпизодическом участии в ней (реже чем раз в шесть месяцев) лишь интенсивное (не реже одного раза в месяц) волонтерство значимо (p -значение $< 0,05$) повышает шансы испытывать чувство счастья на 25,9 %. Таким образом, неформальная социальная активность сильнее влияет на уровень счастья людей среднего и старшего возраста, чем формальная активность. Эти результаты подтверждают гипотезу 2 о различном влиянии неформального и формального видов социальной активности на уровень счастья и опровергают гипотезу 3 о негативном влиянии частой активности на счастье людей.

Заключение

Результаты проведенного исследования подтверждают, что европейские страны различаются по тому, насколько счастливы в них люди 50 лет и старше: выше всего вероятность быть счастливым в этом возрасте у граждан Финляндии, Швейцарии и Дании. В какой мере эти различия обусловлены неодинаковой включенностью в формальную и неформальную социальную активность?

Гипотезы, сформулированные в рамках теории активности и теории привязанности, в ходе исследования подтвердились. В изучаемых странах наблюдается значимое положительное влияние волонтерской деятельности и социальных контактов на уровень счастья лиц старшего возраста.

Регулярные контакты с друзьями и родственниками сильнее повышают вероятность того, что индивид будет счастливым, чем осуществление волонтерской деятельности. Положительный эффект, оказываемый частыми социальными контактами (раз в неделю и чаще), в 1,68 раза превышает соответствующий показатель для регулярного волонтерства.

Гипотеза о негативном влиянии чрезмерной социальной активности на уровень счастья людей среднего и старшего возраста, выдвинутая в соответствии с теорией ролей, не была подтверждена. Чем чаще индивиды встречаются с родственниками и друзьями, тем выше их субъективное благополучие. А в случае с волонтерской деятельностью только ее высокая интенсивность (раз в месяц и чаще) оказывает значимое положительное влияние на уровень счастья. Возможно, такой вывод связан с использованием укрупненных категорий временных социальной активности. В дальнейшем мы планируем протестировать эту гипотезу для большего числа категорий частоты социальных контактов и волонтерской деятельности.

Некоторая взаимозаменяемость формального и неформального видов социальной активности, найденная при построении многоуровневых логистических регрессий, также подтверждается на уровне дескриптивных статистик. Так, в Швейцарии, Германии и Исландии частая волонтерская деятельность (раз

в месяц и чаще) замещает¹² частые социальные контакты (раз в неделю и чаще), в Швеции, Португалии, Албании и Болгарии — наоборот. В половине изучаемых стран замещения между формальным и неформальным видами социальных активностей не происходит. Например, Нидерланды и Норвегия занимают первые позиции по числу жителей 50 лет и старше, высоко вовлеченных в оба вида активности, в то время как Россия, Украина и Литва находятся на последних позициях.

Согласно полученным результатам, социальная активность (и формальная, и неформальная) в России ниже, чем в большинстве европейских стран. Этому факту можно дать несколько объяснений. Во-первых, для России характерен достаточно низкий уровень доверия своим согражданам [Беляева, 2013], являющийся основой семейных, соседских, дружеских отношений, отношения к организациям и институтам. Во-вторых, в России сильны ценности семьи и работы, что находит отражение и в других сферах общественной жизни. Именно экономические мотивы (невыплата заработной платы, массовые увольнения) подталкивают россиян к проявлению общественной активности в форме митингов, протестов и т. д., тогда как в добровольческих организациях уровень участия остается крайне низким. Наконец, лица старшего поколения в большинстве своем имели советский опыт участия в общественных организациях, когда и взрослые, и дети могли числиться в объединениях и клубах, не осуществляя при этом какой-либо реальной деятельности [Башкирова, 2000].

В моделях со случайной константой, используемых в рамках данного исследования, предполагается, что влияние формальной и неформальной социальной активности на уровень счастья одинаково во всех странах. В продолжение работы по изучению субъективного благополучия людей старших возрастов мы планируем ослабить это предположение и построить многоуровневые модели со случайным наклоном (random slope model) для социальных контактов и волонтерской активности, выявить паттерны влияния социальной активности на субъективное благополучие пожилых людей.

Представленное исследование вносит вклад в понимание детерминант субъективного благополучия старшего поколения, важности формальной и неформальной социальной активности, и различий в их влиянии на уровень счастья в старших возрастах. Это позволяет определить возможные направления его повышения и улучшения качества жизни людей старшего поколения в целом. Включенность в социальные сети, преимущественно родственно-дружеские, неразрывно связана с преодолением жизненных трудностей и получением различных видов поддержки, что особенно актуально в старших возрастах. Продвижение участия лиц старших возрастов в волонтерских и других общественных организациях наряду с укреплением семейных, дружеских, соседских контактов может быть важным направлением государственной политики в отношении граждан старшего поколения, оказывающим эффект и на другие сферы жизни целевой аудитории: в части физической активности, образовательной и культурной деятельности (совместное

¹² 26 стран отсортированы в порядке снижения доли людей, занимающихся волонтерской деятельностью раз в месяц и чаще и имеющих социальные контакты раз в неделю и чаще. Наличие взаимозаменяемости определяется на основе сравнения позиций стран в этих рейтингах (замещение есть при различии свыше шести позиций, замещения нет при различии от одной до двух позиций или его отсутствии).

посещение спортивных занятий, театров, выставок, обучающих мероприятий и т. д.), взаимопомощи и ухода за больными и пожилыми людьми.

Список литературы (References)

Андреевкова Н. В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2010. № 5. С. 189—215. [https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/99/2010_5\(99\)_13_Andreenkova.pdf](https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/99/2010_5(99)_13_Andreenkova.pdf).

Andreenkova N. V. (2010) Comparative Analysis of Life Satisfaction and Its Determining Factors. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. Vol. 5. P. 189—215. [https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/99/2010_5\(99\)_13_Andreenkova.pdf](https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/99/2010_5(99)_13_Andreenkova.pdf). (In Russ.).

Башкирова Е. И. Трансформация ценностей российского общества // Полис: Политические исследования. 2000. № 6. С. 51—65. https://www.civisbook.ru/files/File/Bashkirova_2000_6.pdf.

Bashkirova E. I. (2000) Transformation of the Values of Russian Society. *Polis: Political Studies*. No. 6. P. 51—65. https://www.civisbook.ru/files/File/Bashkirova_2000_6.pdf. (In Russ.).

Беляева Л. А. Культурный и социальный капитал и напряженность социального пространства России // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 51—64. <http://ons.naukaran.com/upload/iblock/15b/15b4cf7462861f292a468a469b13c6b9.pdf>.

Belyaeva L. A. (2013) Cultural and Social Capital and the Tension of Social Space in Russia. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 5. P. 51—64. <http://en.ons.naukaran.com/upload/iblock/15b/15b4cf7462861f292a468a469b13c6b9.pdf>. (In Russ.).

Воронин Г. Л., Захаров В. Я., Козырева П. М. Одинокие пожилые: доживают или активно живут? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 3. С. 32—55. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5992>.

Voronin G. L., Zakharov V. Ya., Kozyreva P. M. 2018. Lonely Old Aged: Surviving or Living an Active Life? *Sociological Journal*. Vol. 24. No. 3. P. 32—55. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5992>. (In Russ.).

Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Счастье и его детерминанты (статья 2) // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 66—76. http://socis.isras.ru/files/File/2016/2016_1/66_76_Kozyreva.pdf.

Kozyreva P. M., Nizamova A. E., Smirnov A. I. (2016) Happiness and Its Determinants (Part 2). *Sociological Studies*. No. 1. P. 66—76. http://socis.isras.ru/files/File/2016/2016_1/66_76_Kozyreva.pdf. (In Russ.).

Латова Н. В. Удовлетворенность россиян жизнью во время кризиса: 2015 — год бифуркации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 16—37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.02>.

Latova N. V. (2016) Russian Satisfaction with Life during the Crisis: 2015 as a Year of Bifurcation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 16—37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.02>. (In Russ.).

Монусова Г. А. Субъективное благополучие и возраст: Россия в контексте международных сравнений // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : сб. трудов в 4 т. М. : Издательский дом Высшей школы экономики. 2012. Т. 3. С. 98—109.

Monusova G. A. (2012) Subjective Well-being and Age: Russia in the Context of International Comparisons. In: *XIII International Academic Conference on Economic and Social Development: Theses*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. Vol. 3. P. 98—109. (In Russ.).

Тихонова Н. Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 19—33. <http://ons.naukaran.com/upload/iblock/037/037d7ceb01ff9c8ffa5aa37b6203f1ab.pdf>.

Tikhonova N. E. (2015) Russians' Life Satisfaction: Dynamics and Factors. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 3. P. 19—33. <http://en.ons.naukaran.com/upload/iblock/037/037d7ceb01ff9c8ffa5aa37b6203f1ab.pdf>. (In Russ.).

Adams K., Leibbrandt S., Moon H. (2011) A Critical Review of the Literature on Social and Leisure Activity and Wellbeing in Later Life. *Ageing & Society*. Vol. 31. No. 4. P. 683—712. <https://doi.org/10.1017/S0144686X10001091>.

Baker L. A., Cahalin L. P., Gerst K., Burr J. A. (2005) Productive Activities and Subjective Well-being among Older Adults: The Influence of Number of Activities and Time Commitment. *Social Indicators Research*. Vol. 73. No. 3. P. 431—458. <https://doi.org/10.1007/s11205-005-0805-6>.

Bian Y., Hao M., Li Y. (2018) Social Networks and Subjective Well-being: A Comparison of Australia, Britain, and China. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 19. No. 8. P. 2489—2508. <https://doi.org/10.1007/s10902-017-9926-2>.

Bowlby J. (1969) Attachment and Loss. Vol. 1. London: Hogarth Press.

Bowlby J. (1980) Attachment and Loss. Vol. 3. Loss, Sadness and Depression. New York: Basic Books.

Chamberlain K. (1988) On the Structure of Subjective Well-being. *Social Indicators Research*. Vol. 20. No. 6. P. 581—604. <https://doi.org/10.1007/BF03359559>.

Diener E. (2009) The Science of Well-Being. The Collected Works of Ed Diener. Dordrecht: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-90-481-2350-6>.

Dulin P. L., Gavala J., Stephens C., Kostick M., McDonald J. (2012) Volunteering Predicts Happiness among Older Māori and Non- Māori in the New Zealand Health, Work, and Retirement Longitudinal Study. *Ageing & Mental Health*. Vol. 16. No. 5. P. 617—624. <https://doi.org/10.1080/13607863.2011.641518>.

- Fleche S., Smith C., Sorsa P. (2011) Exploring Determinants of Subjective Wellbeing in OECD Countries. Evidence from the World Value Survey. *OECD Economics Department Working Papers No. 921*. <https://doi.org/10.1787/5kg0k6zlc5k-en>.
- George L. K. (2010) Still Happy After All These Years: Research Frontiers on Subjective Well-Being in Later Life. *Journal of Gerontology: Social Sciences*. Vol. 65. No. 3. P. 331—339. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbq006>.
- Goode W. J. (1960) A Theory of Role Strain. *American Sociological Review*. Vol. 25. No. 4. P. 483—496. <https://doi.org/10.2307/2092933>.
- Gove W. R. (1972) The Relationship between Sex Roles, Marital Status, and Mental Illness. *Social Forces*. Vol. 51. No. 1. P. 34—44. <https://doi.org/10.1093/sf/51.1.34>.
- Gove W. R., Geerken M. R. (1977) The Effect of Children and Employment on the Mental Health of Married Men and Women. *Social Forces*. Vol. 56. No. 1. P. 66—76. <http://dx.doi.org/10.2307/2577413>.
- Guriev S., Zhuravskaya E. (2009) (Un)Happiness in Transition. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 23. No. 2. P. 143—168. <https://doi.org/10.1257/jep.23.2.143>.
- Haller M., Hadler M. (2006) How Social Relations and Structures Can Produce Happiness and Unhappiness: An International Comparative Analysis. *Social Indicators Research*. Vol. 75. No. 2. P. 169—216. <https://doi.org/10.1007/s11205-004-6297-y>.
- Havighurst R. J. (1963) Successful Aging. Williams R. H., Tibbits C., Donohue W. (eds.) *Process of Aging. Social and Psychological Perspectives*. Vol. 1. New York: Atherton Press. P. 299—320. <http://dx.doi.org/10.1093/geront/1.1.8>.
- Larson R. (1978) Thirty Years of Research on the Subjective Well-being of Older Adults. *Journal of Gerontology*. Vol. 33. No. 1. P. 109—125. <https://doi.org/10.1093/geronj/33.1.109>.
- Li Y., Ferraro K. F. (2005) Volunteering and Depression in Later Life: Social Benefit or Selection Processes? *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 46. No. 1. P. 68—84. <https://doi.org/10.1177/002214650504600106>.
- Litwin H., Shiovitz-Ezra S. (2006) The Association between Activity and Wellbeing in Later Life: What Really Matters? *Ageing & Society*. Vol. 26. No. 2. P. 225—242. <https://doi.org/10.1017/S0144686X05004538>.
- Meier S., Stutzer A. (2008) Is Volunteering Rewarding in Itself? *Economica*. Vol. 75. No. 297. P. 39—59. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0335.2007.00597.x>.
- Mikulincer M., Shaver P. R. (2013) The Role of Attachment Security in Adolescent and Adult Close Relationships. Simpson J. A., Campbell L. (eds.) In: *The Oxford Handbook of Close Relationships*. New York: Oxford University Press. P. 66—89. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195398694.013.0004>.
- Morrow-Howell N., Hinterlong J., Rozario P. A., Tang F. (2003) Effects of Volunteering on the Well-Being of Older Adults. *Journal of Gerontology: Social Sciences*. Vol. 58. No. 3. P. S137—S145. <https://doi.org/10.1093/geronb/58.3.S137>.

- Okun M. A., Stock W. A., Haring M. J., Witter R. A. (1984) The Social Activity/Subjective Well-Being Relation. A Quantitative Synthesis. *Research on Aging*. Vol. 6. No. 1. P. 45—65. <https://doi.org/10.1177/0164027584006001003>.
- Pilkington P. D., Windsor T. D., Crisp D. A. (2012) Volunteering and Subjective Well-Being in Midlife and Older Adults: The Role of Supportive Social Networks. *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. Vol. 67. No. 2. P. 249—260. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbr154>.
- Puntsher S., Hauser C., Walde J., Tappeiner G. (2014) The Impact of Social Capital on Subjective Well-Being: A Regional Perspective. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 16. No. 5. P. 1231—1246. <https://doi.org/10.1007/s10902-014-9555-y>.
- Sarracino F. (2010) Social Capital and Subjective Well-being Trends: Comparing 11 Western European Countries. *The Journal of Socio-Economics*. Vol. 39. No. 4. P. 482—517. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2009.10.010>.
- Thoits P. A. (1983) Multiple Identities and Psychological Well-Being: A Reformulation and Test of the Social Isolation Hypothesis. *American Sociological Review*. Vol. 48. No. 2. P. 174—187. <https://doi.org/10.2307/2095103>.
- Tinkler L., Hicks S. (2011) Measuring Subjective Well-being. Newport: Office for National Statistics. <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.366.3593&rep=rep1&type=pdf>.
- Van Willigen M. (2000) Differential Benefits of Volunteering Across the Life Course. *The Journals of Gerontology: Social Sciences*. Vol. 55. No. 5. P. S 308—S 318. <https://doi.org/10.1093/geronb/55.5.S308>.
- Walker A. (2015) Active Ageing: Realising its Potential. *Australasian Journal on Ageing*. Vol. 34. No. 1. P. 2—8. <https://doi.org/10.1111/ajag.12219>.
- Windsor T. D., Anstey K. J., Rodgers B. (2008) Volunteering and Psychological Well-Being among Young-Old Adults: How Much Is Too Much? *The Gerontologist*. Vol. 48. No. 1. P. 59—70. <https://doi.org/10.1093/geront/48.1.59>.

Приложения

Приложение 1. **Число наблюдений в выборке по странам**

Страна	Число наблюдений	Страна	Число наблюдений
Албания	468	Ирландия	1149
Бельгия	835	Исландия	292
Болгария	1374	Италия	396
Швейцария	676	Литва	1057
Чехия	898	Нидерланды	965
Германия	1481	Норвегия	679
Дания	577	Польша	848
Эстония	1210	Португалия	1209
Испания	820	Россия	1066
Финляндия	1152	Швеция	883
Франция	1078	Словения	593
Великобритания	1230	Словакия	896
Венгрия	883	Украина	1051

Приложение 2. **Дескриптивные статистики зависимой и основных независимых переменных в рабочей выборке, %**

Наименование переменной	Частоты
Зависимые переменные	
Уровень счастья людей	
Скорее несчастлив (референтная группа)	13 %
Скорее счастлив	87 %
Независимые переменные	
Волонтерская деятельность	
Раз в шесть месяцев и реже (референтная группа)	76 %
Раз в три — шесть месяцев	10 %
Раз в месяц и чаще	14 %
Социальные контакты	
Раз в несколько месяцев и реже (референтная группа)	15 %
Один — несколько раз в месяц	34 %
Раз в неделю и чаще	51 %

Приложение 3. **Дескриптивные статистики контрольных переменных**

Контрольные переменные			
Пол		Субъективное здоровье	
Мужчина (реф.)	44 %	Очень хорошее (реф.)	10 %
Женщина	56 %	Хорошее	35 %
Тип поселения		Среднее	
Село (реф.)	38 %	Плохое	13 %
Город	62 %	Очень плохое	3 %
Уровень образования		Чувство безопасности	
Среднее общее или ниже (реф.)	39 %	Скорее не в безопасности (реф.)	28 %
Среднее профессиональное	36 %	Скорее в безопасности	72 %
Высшее и послевузовское	25 %	Принадлежность к религии	
Брачно-партнерский статус		Да (реф.)	65 %
Нет пары (реф.)	38 %	Нет	35 %
Есть пара	62 %	Средний возраст респондентов	
Занятость			
Нет (реф.)	65 %	Среднее число людей в домохозяйстве	
Есть	35 %		
			2

Приложение 4. **Тесты отношения правдоподобия для построенных моделей**

	$\log L$	LR статистика, модели 1 и 2	LR статистика, модели 1 и 3	LR-тест для моделей 2 и 4	LR-тест для моделей 3 и 4	Статистика хи-квадрат
Базовая модель (1)	-7332,15					
Модель с социальными контактами (2)	-7242,43	179,44***				3,84
Модель с волонтерской активностью (3)	-7325,79		12,72**			3,84
Модель с волонтерской активностью и социальными контактами (4)	-7238,99			173,6***	6,88**	3,84

Примечание: звездочками обозначены уровни значимости, где *** — вероятность ошибки на уровне 1%, ** — вероятность ошибки на уровне 5%.